

ВАЛЕРИЙ БЕЗЛЮДНЫЙ

СКВОЗЬ ПАДЕНИЯ

— К ПОЛЁТУ —

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
О СИЛЕ ДУХА,
ПОТЕРЯХ
И НОВОМ НАЧАЛЕ

„Рак мою раскалённую сталь
просто опустил в ледяную воду“.

АРХИТЕКТОР ЦЕННОСТЕЙ
(ИСП. ДИРЕКТОР СЕТИ БРИТВА)

Валерий Безлюдный

Сквозь падения к полету

«Автор»

2026

Безлюдный В.

Сквозь падения к полету / В. Безлюдный — «Автор», 2026

ВАЛЕРИЙ БЕЗЛЮДНЫЙ Исполнительный директор сети BRITVA «Рак мою раскалённую сталь просто опустил в ледяную воду». Как парень из Луганска, воспитанный бабушкой, прошедший через бедность, войну, потерю дома, развод, депрессию и онкологию, смог не только сохранить себя, но и стать человеком, который влияет на целую индустрию и тысячи людей? В этой истории нет, удачи или счастливого билета. Есть готовность подниматься каждый раз, когда жизнь сбивает с ног. Это книга о времени, которое невозможно вернуть. О цене решений, которые приходится принимать, когда выбирать приходится не между хорошим и плохим, а между плохим и очень плохим. И главное — о том, что настоящая победа заключается не в деньгах или признании, а в способности сохранить себя и не потерять смысл своего пути. Масштаб интересов Валерия Безлюдного давно вышел за пределы одной индустрии. Его миссия — работать с мышлением, ценностями и людьми, помогая другим находить опору в мире, который постоянно меняется. Милена Петракова

© Безлюдный В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Безлюдный

Сквозь падения к полету

СКВОЗЬ ПАДЕНИЯ К ПОЛЁТУ

Валерий Безлюдный

СКВОЗЬ ПАДЕНИЯ К ПОЛЁТУ

Валерий Безлюдный

Сквозь падения к полёту

Глава 1: Время

— Валерий, у меня для вас плохие новости.

Эту фразу я слышал уже не впервые. За моей спиной были война, переезды, потеря близких людей, развод, финансовые провалы, болезни и множество других событий, каждое из которых когда-то казалось концом света. Но именно в тот вечер, сидя в небольшом кабинете клиники Hadassah напротив Дмитрия, я вдруг заметил странное ощущение: впервые за долгое время во мне не было страха, паники или даже удивления.

За окном давно стемнело, а Москва жила своей обычной жизнью. Где-то за пределами кабинета люди спешили домой после работы, встречались с друзьями, стояли в пробках, строили планы на выходные и даже не подозревали, что для кого-то мир в эту самую минуту раскалывается на две части.

На столе между нами лежали результаты исследований. За последние недели я увидел столько снимков, заключений и медицинских терминов, что они начали сливаться в одну непрерывную, пугающую череду непонятных слов: лимфоузлы, биопсия, ПЭТ-КТ, метастазы. Ещё месяц назад всё это существовало где-то очень далеко, в чужих историях и на экранах телевизоров. Теперь эти слова становились частью моей собственной жизни.

Дмитрий говорил размеренно и обстоятельно. Его голос не выдавал эмоций — ни тревоги, ни облегчения. Наверное, так должен говорить настоящий врач: без лишнего драматизма, без ложной надежды, без попыток смягчить удар.

— С высокой вероятностью речь идёт о лимфоме, — сказал он, — но окончательный диагноз мы сможем поставить только после гистологии.

Я молча кивнул и перевёл взгляд на Леру. Она сидела рядом, напряжение буквально заполняло пространство вокруг неё, хотя она молчала. За годы совместной жизни я научился безошибочно считывать её состояние, даже когда она не произносила ни слова.

И в этот момент мне пришла мысль, которая впоследствии ещё много раз подтверждалась: часто тяжелее всего страшный диагноз переживают не пациенты, а их близкие. Человек, которому поставлен диагноз, первые минуты занят совсем другим. Он пытается понять новые правила игры, нащупать опору среди внезапно изменившейся реальности, составить план действий. Именно поэтому вместо страха я ощутил удивительную ясность. Словно кто-то одним движением руки убрал из моей жизни всё лишнее.

Исчезли рабочие конфликты, показатели, планы развития, деньги, амбиции, проблемы, которые ещё вчера казались невероятно важными. Осталась только одна задача — жить. Не хорошо, не богато, не счастливо, просто жить. И этого оказалось более чем достаточно.

Дмитрий закончил объяснения. Мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его за честность. Затем мы с Лерой вышли на улицу. Москва жила своей обычной жизнью. Машины ехали по дорогам, люди спешили домой, кто-то разговаривал по телефону, кто-то смеялся,

кто-то строил планы на завтра. Я стоял возле клиники и внезапно понял одну вещь: для мира ничего не произошло. Планета продолжала вращаться, город продолжал жить, миллионы людей даже не подозревали, что несколько минут назад моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Именно тогда я впервые задумался о времени. Вся жизнь казалась мне гонкой за деньгами, за связями, за знаниями, за успехом. Но в тот вечер я понял истину: главный ресурс человека — это время. Всё остальное можно заработать, вернуть или построить заново. Время нельзя.

Я сел в машину и посмотрел на Леру. Мы молчали, но в этом молчании было ощущение единства. Я улыбнулся и сказал:

— Всё будет хорошо.

Она сжала мою руку крепче, и этого было достаточно.

Я думал о прожитых почти сорока годах. Вспоминал Луганск, музыку, войну, Сочи, Москву, барбершопы, смерть близких, победы, поражения, любовь, дружбу, все ошибки. И вдруг понял, что если мне предстоит бороться за жизнь, начинать эту историю нужно не с диагноза. Нужно начинать гораздо раньше — с того момента, когда я ещё не знал, сколько времени мне отпущено.

Глава 2: Чужой ребёнок

Я родился в декабре 1990 года в Луганске, в стране, которая почти сразу после моего появления на свет исчезла с карты мира. Вместе с ней уходила стабильность, порядок, уверенность в завтрашнем дне. Люди тогда ещё не понимали этих изменений, но воздух уже менялся, пропитываясь тревогой и непредсказуемостью. Девяностые приходили в жизнь медленно, как холод через плохо закрытую дверь, проникая в каждую щель, в каждый уголок детства.

Моего настоящего отца я не знал. Когда мама познакомилась с человеком, которого я потом называл папой, она уже ждала меня. Он принял чужого ребёнка, и я понимаю сейчас, спустя годы, что это был поступок. Тогда я об этом не думал. Жили они непродолжительно и тяжело.

Когда мне было три года, мама собрала вещи, взяла меня и младшего брата, и мы переехали в Стаханов — её родной город. Потом был Кировск, маленький шахтёрский город с серыми пятиэтажками, с пылью, рынками, огородами и вечным ощущением усталости, которая витала в воздухе. В те годы люди там не жили — они выживали. Мама устроилась работать продавцом на овощном рынке. Детская память сохраняет не события, а ощущения: тревогу, обрывки разговоров взрослых, чувство ненадёжности мира вокруг.

Позже мама отвезла нас обратно в Луганск к отцу. Но трагедия не обошла нас стороной. Её нашли около дома в Кировске. Сильно избитую и выброшенную с балкона, она умерла в реанимации, не приходя в сознание. Я не хочу превращать эту историю в дешёвую драму. Я знаю лишь итог: в какой-то момент моё детство закончилось. Отец пережил это физически, но внутренне сломался, медленно топя боль в алкоголе. Настоящими родителями для нас с братом стали бабушка и дедушка.

Мы жили очень бедно, но детство никогда не воспринимает бедность как трагедию. Первое время у нас была одна куртка и одна шапка на двоих, а в детский сад ходили по очереди. Когда ввели оплату, бабушка с дедушкой устроились дворниками, чтобы покрыть расходы. Бабушка, маленькая женщина ростом около полутора метров, обладала невероятной внутренней силой. Она не рассуждала о любви или жертвенности — она просто делала всё, что могла, и даже больше.

С самого детства бабушка приучала нас к уборке квартиры. Тогда это казалось мне бессмысленной каторгой, но сейчас я понимаю: порядок был её способом сопротивляться хаосу жизни. Летом мы проводили почти всё время на огороде, сажая картошку, ухаживая за ово-

щами, поливая грядки, которые потом кормили нас зимой. А субботние походы на рынок оставили в памяти запахи, разговоры и чувство необходимости выторговать даже малую скидку.

Меня поразило одно: бабушка никогда не жаловалась. Не обсуждала несправедливость жизни и не жалела себя, хотя её жизнь была тяжелой до предела. Её усталость была чуждой мне мыслью, её борьба — примером стойкости. У людей того поколения была внутренняя настройка, позволяющая просто жить, несмотря на трудности, не обсуждая их.

В этих обстоятельствах я научился цене вещей в буквальном смысле: сколько стоит хлеб, проезд, одежда, сколько часов труда требуется, чтобы заработать даже малую сумму. Именно поэтому у меня никогда не было романтического отношения к деньгам — я видел, как они достаются. Работать начал в одиннадцать лет, таская тяжести на стройке, развозя золотых рыбок, собирая металлолом и стеклотару. Позже сам покупал себе школьные принадлежности. Я никогда не считал это подвигом — для меня это было нормой. Никто не должен был «спасти» меня, и я об этом никогда не думал.

Но в моём внутреннем мире жила странная смесь чувств. С одной стороны — жёсткая реальность. С другой — ощущение, что моя жизнь не должна стать маленьким серым существованием. Откуда оно появилось — книги, характер, желание доказать что-то самому себе — я не знаю.

К третьему классу в моей жизни появился баскетбол. И он изменил меня. Дал каркас, дисциплину, привычку терпеть, чувство команды. С шестого по десятый класс баскетбол был огромной частью жизни: сборная города, тренировки на другом конце Луганска. Временами я не понимал, как успеваю, но выбора не было. Нужно было приезжать вовремя.

У тренера было простое правило: если ты опоздал — страдай на разминке. Миру всё равно, где ты живёшь и в каких условиях. Есть время тренировки — или пришёл вовремя, или нет. Этот принцип впервые заложил во мне ощущение ответственности перед коллективом: не подвести, не искать оправданий, не жаловаться, а делать своё дело. И, наверное, именно тогда внутри меня начала формироваться мысль, которую я пойму только спустя много лет: дисциплина — это не ограничение свободы, а форма уважения: к делу, к людям рядом и к самому себе.

К шестнадцати годам мне уже казалось, что я живу как взрослый человек, хотя, по сути, взрослым ещё не был. Жизнь слишком рано выключила возможность быть ребёнком, оставив на смену жёсткий, но честный каркас ценностей, на котором строилась моя будущая жизнь.

Глава 3. Август

Если попытаться найти в моей жизни момент, когда направление будущего впервые начало проступать сквозь привычную реальность, то я без колебаний назову август 2006 года.

Странно устроена человеческая память. Большинство событий со временем стираются, теряют очертания и постепенно растворяются среди тысяч других воспоминаний. Но иногда какой-то один день, один разговор или даже одно внутреннее ощущение остаётся с человеком навсегда. Причём далеко не всегда в этот момент ты понимаешь его значение. Лишь спустя годы становится очевидно, что именно тогда произошло нечто важное.

До того лета моя жизнь мало отличалась от жизни большинства подростков из небогатых семей. Я рано привык к мысли, что деньги появляются не сами по себе, а потому хватался практически за любую возможность заработать. Стройки, случайные подработки, помощь знакомым — всё это постепенно формировало во мне довольно жёсткое отношение к жизни. Мир представлялся местом, в котором рассчитывать нужно прежде всего на самого себя, потому что никто не придёт решать твои проблемы и никто не станет строить твоё будущее вместо тебя.

Именно поэтому предложение устроиться грузчиком на завод по производству сладкой воды показалось мне тогда настоящей удачей. Для шестнадцатилетнего парня зарплата выглядела весьма серьёзной, а сама работа казалась честным способом провести лето с пользой.

Очень быстро жизнь превратилась в бесконечный повтор одного и того же маршрута. Каждое утро начиналось с долгой дороги через весь город, продолжалось двенадцатичасовой сменой и заканчивалось таким же долгим возвращением домой. В общей сложности почти четырнадцать часов ежедневно уходили на работу, и единственным выходным оставался один день в неделю. Сегодня подобный график наверняка назвали бы дорогой к эмоциональному выгоранию, но тогда подобных терминов в нашем лексиконе попросту не существовало.

Была только усталость.

Не та усталость, о которой пишут психологи в социальных сетях, а самая обычная — тяжёлая, вязкая и постоянная, становящаяся настолько привычной частью жизни, что ты перестаёшь её замечать. Она сопровождала тебя утром, ехала рядом в автобусе, стояла возле конвейера и возвращалась домой вместе с тобой. Через несколько недель она уже воспринималась так же естественно, как смена времён года или погода за окном.

Сам завод я помню до мельчайших деталей.

Помню липкий от сиропа пол цеха, бесконечные штабеля ящиков, запах сладкой воды, который настолько въедался в одежду, что, казалось, начинал жить собственной жизнью. Помню однообразный гул оборудования, сначала раздражавший, потом утомлявший, а спустя некоторое время становившийся почти незаметным фоном существования. Помню серое утро после ночной смены, когда выходишь на улицу и на несколько секунд теряешь связь со временем, не понимая ни который сейчас час, ни какой сегодня день недели.

Но сильнее всего мне запомнились люди.

Наверное, именно они и стали главной причиной всех последующих изменений.

Большинство рабочих были значительно старше меня. Многие выглядели так, словно жизнь успела нанести им несколько тяжёлых ударов ещё задолго до нашего знакомства. Среди них встречались бывшие заключённые, хронические алкоголики и просто мужчины, которые когда-то давно перестали ждать от будущего чего-то хорошего.

Во время обеденных перерывов они рассказывали истории своих жизней, и чем внимательнее я их слушал, тем сильнее росло странное внутреннее беспокойство.

Меня поражала даже не бедность этих людей. К бедности я привык с детства и никогда не считал её главной человеческой трагедией.

Гораздо страшнее было другое.

Почти в каждой истории чувствовалась какая-то глубокая внутренняя усталость. Будто человек однажды проиграл главное сражение своей жизни и после этого продолжал существовать исключительно по инерции. Кто-то винил обстоятельства, кто-то государство, кто-то бывшую жену или собственные ошибки, но почти никто не говорил о будущем так, словно оно действительно существовало.

Будущее в их рассказах отсутствовало.

Именно это испугало меня сильнее всего.

Сегодня я понимаю, что тогда впервые столкнулся с главным страхом своей юности.

Мне было страшно не умереть.

Мне было страшно прожить жизнь, в которой ничего не изменится.

Страшно однажды обнаружить себя на том же заводе через двадцать или тридцать лет и понять, что мечты так и остались мечтами, а вся жизнь превратилась в бесконечное повторение одного и того же дня. В тот момент мне впервые пришла в голову мысль, что существуют не только физические тюрьмы. Иногда человек оказывается заперт внутри собственного представления о мире и проводит там всю жизнь, даже не пытаясь выбраться наружу.

Поэтому конец того лета отпечатался в памяти особенно ярко.

Именно тогда мой друг Слава Величко дал мне почитать книгу Наполеона Хилла «Думай и богатей». Сегодня я отношусь к ней значительно спокойнее, чем тогда. Многие идеи, казавшиеся откровением шестнадцатилетнему подростку, сейчас выглядят довольно наивными. Но

книги редко приходят в нашу жизнь случайно. Их ценность определяется не только содержанием, но и тем моментом, в который они попадают человеку в руки. Иногда одна вовремя прочитанная мысль оказывается важнее сотни действительно великих книг, прочитанных не вовремя.

Примерно тогда же меня перевели на ночные смены.

Работы ночью было меньше, и иногда появлялись короткие островки тишины, которые можно было провести наедине с собой. У меня был дешёвый МРЗ-плеер, несколько любимых альбомов и огромное количество вопросов, на которые я пока не знал ответов.

Одну такую ночь я помню до сих пор.

Над заводом висела яркая августовская луна. Тёплый воздух медленно остывал после жаркого дня. Территория предприятия почти опустела. В наушниках играла Meteora, а в руках лежала книга Хилла. И среди всей этой привычной заводской реальности неожиданно возникло ощущение, которое трудно объяснить словами даже сегодня.

Иногда жизнь меняется не тогда, когда происходят громкие события.

Не тогда, когда человек получает диплом, открывает бизнес или добивается успеха.

По-настоящему она меняется в тот момент, когда внутри появляется новая мысль о самом себе.

Сидя возле цеха и глядя куда-то в темноту, я вдруг совершенно отчётливо почувствовал, что моя судьба не обязана быть похожей на судьбы людей вокруг. То, что я родился в том же городе, вырос среди тех же домов и столкнулся с теми же обстоятельствами, ещё не означало, что я обязан прожить такую же жизнь.

Сегодня эта мысль кажется почти банальной.

Но тогда она стала откровением.

Наверное, потому, что впервые дала мне не цель и не готовый план действий, а нечто значительно более важное — ощущение направления. Внутри словно появился компас, который настойчиво показывал куда-то за пределы привычного мира и подсказывал, что существует другая жизнь, о которой я пока ничего не знаю, но однажды обязательно с ней встречу.

Сейчас, оглядываясь назад, я всё чаще думаю, что именно ту августовскую ночь можно считать моим настоящим рождением.

Не потому, что тогда произошло что-то великое.

Наоборот.

Снаружи не произошло вообще ничего.

Тот же завод.

Та же работа.

Та же зарплата.

Та же луна над цехами.

Но внутри всё изменилось.

Потому что именно тогда я впервые позволил себе поверить в простую вещь: будущее человека не пишется заранее.

Оно рождается из решений, которые мы принимаем каждый день, даже если в момент выбора сами ещё не понимаем, насколько важным окажется этот шаг спустя годы.

Глава 4. Дверь

Лето закончилось, а вместе с ним закончилась и одна из самых важных иллюзий моей юности.

Почти сразу после работы на заводе я отправился в Мариуполь на просмотр в профессиональную баскетбольную команду. В те годы баскетбол занимал в моей жизни особое место. Это был не просто спорт, не просто увлечение и даже не просто мечта. Скорее, он был первой дорогой в будущее, которую я отчётливо видел перед собой. Пока большинство моих сверстников лишь пытались понять, кем хотят стать, у меня существовал вполне понятный план:

нужно было тренироваться, расти как игрок, становиться сильнее и однажды попасть в профессиональный спорт.

Именно поэтому к просмотру я готовился с полной серьёзностью. Я честно выполнил все нормативы, выложился настолько, насколько позволяли силы, и уезжал домой с ощущением хорошо проделанной работы. Тем болезненнее оказался итог.

Сегодня причина отказа выглядит почти анекдотично. Для команды 1991 года рождения я оказался слишком взрослым, потому что родился в декабре девяностого. Для команды девяностого года — слишком низким ростом. Несколько цифр в документах и несколько сантиметров роста неожиданно перечеркнули то будущее, которое ещё вчера казалось мне вполне реальным.

Сейчас подобная ситуация вызывает у меня лишь улыбку, но в шестнадцать лет человек воспринимает такие вещи иначе. В этом возрасте ещё нет жизненного опыта, который позволяет относиться к поражениям философски. Нет понимания, что большинство дверей закрываются лишь для того, чтобы чуть позже открылись другие. Любая серьёзная неудача кажется окончательным приговором, а потеря мечты воспринимается почти как потеря части самого себя.

Вернувшись домой, я надолго перестал брать в руки баскетбольный мяч. И дело было вовсе не в спорте.

Сегодня я понимаю, что к тому моменту баскетбол уже успел стать частью моей личности. Через него я представлял своё будущее, через него оценивал собственные возможности, через него смотрел на взрослую жизнь. Поэтому, когда эта конструкция рухнула, внутри образовалась пустота, которую поначалу было нечем заполнить.

Но жизнь устроена удивительным образом. Очень часто именно пустота становится пространством, в котором появляется что-то новое.

После той августовской ночи на заводе внутри меня уже происходили перемены, которые я тогда ещё не мог объяснить. Если раньше мне казалось, что существует только один правильный путь, то теперь я всё чаще начинал замечать возможности там, где раньше видел исключительно тупики.

Осенью в школе появилась вакансия ведущего дискотек. Работа выглядела предельно простой: по пятницам и субботам проводить школьные вечера, зарабатывая по пять гривен за смену. Сегодня такая сумма кажется почти символической, но тогда дело было вовсе не в деньгах.

Если честно, мне всегда нравились люди.

Нравилась энергия толпы.

Нравилось ощущение сцены.

Нравилось наблюдать за тем, как настроение одного человека способно постепенно передаваться десяткам и даже сотням других.

Именно поэтому я решил попробовать. А попробовав, неожиданно обнаружил, что получаю от этого гораздо больше удовольствия, чем мог предположить.

Очень скоро мы с моим другом Димой Крымцевым начали проводить дискотеки уже не только для своей школы. О них постепенно начали говорить, на них стали приезжать ребята из других районов города, людей становилось всё больше, а вместе с ними росла и ответственность. В какой-то момент нам даже пришлось задуматься об охране, что для двух школьников выглядело почти абсурдно.

Зарплату повысили до десяти гривен за вечер, но гораздо важнее было другое.

Я впервые почувствовал особое удовольствие от организации процессов. Мне нравилось создавать атмосферу, нравилось влиять на настроение людей, нравилось наблюдать за тем, как из хаоса постепенно рождается событие.

Конечно, тогда я ещё не знал слов вроде «лидерство», «управление» или «комьюнити». Но именно тогда началось моё первое знакомство со всем тем, что впоследствии станет огромной частью моей жизни.

Примерно в это же время рядом с моим домом открылся ночной клуб «Айсберг».

Для небольшого города он выглядел почти как портал в другую реальность. Яркие афиши, дорогой свет, приезжающие артисты, громкая реклама — всё это производило впечатление чего-то большого и недостижимого. Казалось, будто кто-то взял кусочек совершенно другой жизни и случайно поставил его среди привычных луганских улиц.

Однажды, глядя на клуб вместе с Димой, я пошутил:

— Слушай, может лет через десять мы тоже будем там работать.

Мы тогда рассмеялись, но почему-то именно эта мысль осталась со мной надолго. Она периодически возвращалась, крутилась где-то на периферии сознания и не хотела исчезать.

А потом случилось то, что со стороны выглядит совершенно нелогично.

Однажды после школы я дошёл до своего подъезда, уже собирался подниматься домой, но неожиданно развернулся и пошёл в сторону «Айсберга».

У меня не было ни плана, ни знакомств, ни понимания того, что именно я собираюсь говорить.

Я просто пошёл.

Когда я переступил порог клуба, сердце колотилось так, словно пришёл не устраиваться на работу, а совершать что-то совершенно невозможное. Для меня это место тогда казалось отдельной вселенной, существующей по своим законам и недоступной для таких ребят, как я.

Всё вокруг выглядело непривычно серьёзным и взрослым: охрана, турникеты, дорогой по тем временам интерьер, люди, которые держались с таким спокойствием и уверенностью, будто давно поняли про жизнь что-то важное, чего я ещё не знал. А я был всего лишь школьником из обычного двора, без связей, без опыта и без малейшего представления о том, как вообще попадают в подобные места.

Спустя годы я пойму, что именно в такие моменты человек впервые сталкивается с одним из самых опасных внутренних барьеров. Он редко звучит вслух, но почти всегда произносится где-то внутри:

«Это не для таких, как ты».

Очень многие разворачиваются именно здесь. Не потому, что им отказали. Не потому, что не хватило способностей. А потому, что сами поверили в собственную чужеродность.

Я не поверил.

Подошёл к охраннику и спросил, кто занимается набором персонала, добавив, что работаю ведущим и хотел бы устроиться в клуб. Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, куда-то позвонил, после чего неожиданно сказал:

— Пошли.

Через несколько минут я уже сидел в кабинете, где находились арт-директор Лёвкин, секретарша и управляющий клубом Константин Иванович.

Я представился и начал рассказывать о своём «богатом опыте» проведения школьных дискотек. Сейчас вспоминать это даже немного забавно. Тогда мне казалось, что я говорю уверенно и убедительно, но чем дольше продолжался разговор, тем отчётливее я замечал по лицам собеседников, что интерес ко мне постепенно исчезает.

Для них я был просто мальчишкой.

Слишком молодым.

Слишком зелёным.

Слишком случайным.

В какой-то момент Лёвкин посмотрел на меня и с добродушной улыбкой произнёс:

— Ладно, малой. Молодец. Спасибо тебе за смелость. Приходи через пару лет.

После чего показал рукой на дверь.

Наверное, именно так иногда и выглядит поворотный момент в жизни человека. Не громко, не торжественно и не под музыку, а в виде самой обычной фразы, после которой остаётся либо подняться и уйти, либо сделать что-то совершенно нелогичное.

Что именно произошло дальше, я до конца не могу объяснить даже сегодня.

Внутри словно включился какой-то механизм, который потом ещё много раз будет вытаскивать меня вперёд в самых разных ситуациях. Я молча взял стоявший рядом стул, подпер им дверь кабинета, сел и спокойно сказал:

— Я никуда не уйду, пока вы не возьмёте меня на работу.

На несколько секунд в комнате повисла тишина.

А потом Константин Иванович неожиданно рассмеялся.

Не насмешливо и не зло. Скорее с искренним удивлением человека, который только что увидел нечто совершенно неожиданное.

Повернувшись к Лёвкину, он сказал:

— Этот пацан мне нравится. Возьми его на поруки.

Лёвкин несколько секунд молчал, внимательно рассматривая меня уже совсем другим взглядом, после чего произнёс:

— Хорошо. В понедельник. К семи вечера. Без опозданий.

Когда я вышел на улицу, город остался прежним. Те же дома, те же люди, тот же вечерний воздух. Внешне не изменилось абсолютно ничего.

Но внутри произошло нечто очень важное.

Именно тогда я впервые по-настоящему понял, что между человеком и новой жизнью зачастую стоят не отсутствие таланта, не нехватка связей и даже не отсутствие удачи. Гораздо чаще на пути оказывается обычная дверь, в которую нужно осмелиться войти и отказаться уходить после первого отказа.

Позже я начну замечать эту закономерность снова и снова.

Мир редко проверяет человека сложностью самой задачи. Куда чаще он проверяет его моментом первого сопротивления.

Большинство людей ломается не на дистанции.

Большинство разворачивается у самого входа.

Наверное, именно тогда во мне окончательно родилась привычка, которая останется со мной на всю жизнь: если я действительно понимаю, зачем мне что-то нужно, первого «нет» никогда не будет достаточно, чтобы заставить меня отказаться от своей цели.

Сегодня мне кажется, что именно так чаще всего и выглядит судьба.

Не как идеально выстроенный маршрут.

Не как результат долгосрочной стратегии.

А как несколько шагов в неизвестность, которые человек делает прежде, чем успевает испугаться.

ГЛАВА 5. Свечка

В понедельник я пришёл в «Айсберг» почти за полчаса до начала смены, потому что в глубине души всё ещё жил убеждением, что опоздание в первый рабочий день — это почти предательство. Меня взяли не за опыт, не за заслуги, а за настойчивость и готовность браться за любую задачу, и теперь я стоял, пытаясь казаться спокойным, в то время как внутри меня бушевал шторм эмоций.

Клуб только просыпался: сотрудники проверяли аппаратуру, настраивали свет, таскали коробки. Всё вокруг было новым и чужим, словно я оказался внутри совершенно другого мира, мира, куда путь мне ещё недавно казался закрытым. Каждая минута ожидания тянулась бесконечно, заставляя меня перебарщивать с мыслями о возможных провалах, о том, что сейчас кто-нибудь подойдёт и скажет: «Это ошибка, возвращайся домой».

И всё же, ближе к восьми вечера, ко мне подошли Константин Иванович и Лёвкин. Они объяснили, что сегодня небольшая студенческая вечеринка, а моя задача проста: поприветствовать гостей и постараться не испортить вечер. Мне вручили микрофон и попросили сказать несколько слов. Что именно — я почти не помню, но помню удивительное чувство облегчения, когда микрофон остался у меня в руках и его не забрали сразу. В тот момент я впервые осознал, что выйти на сцену — это уже победа, даже если ты ещё не готов полностью.

Моё первое полноценное выступление пришлось ждать почти три часа. Время медленно растягивалось, а вместе с ним росло и напряжение, словно каждая минута предвещала катастрофу. Наконец часы показали одиннадцать, музыка зазвучала, свет прошёл по залу, и мне протянули микрофон. Я сделал несколько шагов вперёд и внезапно ощутил, как дыхание сжимается, сердце бьётся быстрее, а разум одновременно замедляется. Всё тело, каждый нерв словно прислушивались к реакции публики.

Я сказал несколько слов. Не помню, что именно, но помню чувство победы: я не заикался, не замер, не убежал. Для меня это уже было гораздо больше, чем просто слова. Это было подтверждением того, что желание — лишь начало пути, но только упорство и практика способны превратить его в мастерство.

Следующего выхода на сцену мне пришлось ждать месяц. Именно тогда Константин Иванович сказал фразу, которая навсегда осталась со мной: «Тебя невозможно слушать». Сегодня я благодарен ему за эту прямоту, потому что она дала понять, что похвала не всегда ценна, когда необходима честная оценка и работа над собой. Он не стал утешать меня красивыми словами, не стал искать в недостатках достоинства — он просто указал на правду.

Для моих занятий назначили резидента клуба, Андрея Ковальского. Каждый день, на протяжении месяца, я занимался с ним, изучая основы сценической речи, дыхания, дикции, учился говорить тихо и громко, одновременно разрабатывая голос и пластику. Мы тренировали даже способность управлять своим дыханием через маленькую свечку, наблюдая за её пламенем и пытаясь понять, как контроль над собой может перенестись на сцену. В тот момент мне всё это казалось странным, почти нелепым, но именно тогда я начал осознавать, что желание и мастерство — это две совершенно разные вещи.

Желание может помочь открыть дверь, но только долгий, монотонный, порой скучный труд превращает шанс в реальность. Недостаточно хотеть быть ведущим, успешным, богатым или талантливым — необходима ежедневная, системная работа, которая редко видна со стороны и почти никогда не вдохновляет. И лишь спустя годы я понял, что месяц, проведённый рядом с маленькой свечкой, был тем самым фундаментом, который позволил мне понять разницу между мечтой и мастерством.

Через месяц мне снова доверили микрофон, и на этот раз я чувствовал себя иначе: уверенно, спокойно, понимая аудиторию и свой голос. После той смены меня закрепили за понедельниками с зарплатой пятьдесят гривен за вечер — по тем временам это были хорошие деньги, но гораздо важнее оказалось другое. Я впервые ощутил, что начинаю входить в мир, который ещё совсем недавно казался недостижимым, и понял, что настоящие перемены приходят не через громкие победы, а через упорный, каждодневный труд, который формирует мастерство и характер. Это было моё первое истинное столкновение с реальностью и понимание того, что мечта становится достижением только через дисциплину, терпение и готовность смотреть на себя со всей откровенностью, которую требует жизнь.

Глава 6. Кабинет 222

Через несколько недель после первых выходов на сцену меня начали постепенно подключать к работе по пятницам и субботам. До полноценного ведущего было ещё далеко, поэтому мои обязанности сводились к самым простым задачам: что-то принести, кому-то помочь, встретить гостей, решить организационный вопрос или подстраховать коллег в моменты наи-

большей нагрузки. По большому счёту это была классическая роль человека, который должен находиться везде одновременно и быть готовым помочь каждому, кто в этом нуждается.

Удивительно, но именно этот период дал мне знания, которые впоследствии оказались значительно ценнее многих книг, тренингов и управленческих курсов.

Я начал наблюдать.

Но наблюдать уже не за сценой.

Сцена как раз интересовала меня всё меньше.

Гораздо сильнее меня завораживало то, что происходило вокруг неё.

Мне было интересно смотреть, как живёт большой механизм под названием «Айсберг». Как взаимодействуют между собой десятки сотрудников. Как принимаются решения. Как решаются конфликты. Как создаётся атмосфера лёгкости и праздника для гостей, которые даже не подозревают, какое количество процессов скрыто за кулисами.

Наверное, именно тогда я впервые начал понимать, что любой успешный проект похож на айсберг не только названием. Большая часть его жизни всегда остаётся невидимой для окружающих. Люди замечают красивый результат, но почти никогда не видят огромный объём работы, который находится под поверхностью.

Особенно меня интересовали люди.

Не должности и не статусы.

Именно люди.

Я с одинаковым любопытством наблюдал за охранниками и управляющими, за барменами и артистами, за гостями и администраторами. Постепенно я начал замечать вещи, которые раньше проходили мимо моего внимания. Начал видеть, как меняется настроение человека от одной удачно сказанной фразы. Как уверенность способна передаваться окружающим без единого слова. Как один человек может погасить конфликт, а другой — разжечь его буквально за несколько секунд.

Тогда я ещё не понимал, что спустя много лет именно эти наблюдения станут фундаментом моего отношения к управлению командами и построению бизнеса. Но один важный навык уже начал формироваться.

Я учился видеть систему.

Не отдельные элементы.

Не отдельных людей.

А связи между ними.

Учился понимать, как из множества незаметных действий рождается единый результат.

Проблема заключалась лишь в том, что чем больше времени я проводил в «Айсберге», тем сложнее становилось совмещать новую работу со школьными дискотеками.

Некоторое время мне удавалось существовать сразу в двух мирах. Днём я оставался обычным школьником, а вечером постепенно погружался во взрослую жизнь ночного клуба. Но довольно быстро стало понятно, что долго балансировать между этими реальностями не получится.

Рано или поздно мне предстояло сделать выбор.

Я очень хорошо помню день, когда этот выбор был сделан.

Школа.

Второй этаж.

Кабинет номер 222.

Удивительно, как иногда память сохраняет не само событие, а пространство, в котором оно произошло. За прошедшие годы я забыл огромное количество важных разговоров, но тот кабинет до сих пор стоит перед глазами так отчётливо, словно всё произошло вчера.

Туда я пришёл сообщить завучам, что больше не смогу заниматься школьными дискотеками.

Если честно, тогда мне казалось, что они за меня порадуются.

В моей картине мира всё выглядело предельно логично. Парень развивается, растёт, получил работу в лучшем клубе города, пробует себя в новом деле и делает очередной шаг вперёд.

Мне казалось, что взрослые люди должны воспринимать это именно так.

Но жизнь в очередной раз показала, что одна и та же ситуация может выглядеть совершенно по-разному в зависимости от того, с какой стороны на неё смотреть.

Школьные дискотеки приносили определённым людям вполне ощутимый дополнительный доход. Терять этот источник заработка никто не хотел. Поэтому разговор очень быстро перестал быть разговором о моём будущем и превратился в разговор о чужих интересах.

Сначала всё выглядело вполне цивилизованно.

Мне рассказывали о вреде ночной работы для молодого организма, говорили о важности образования, убеждали, что я совершаю ошибку и обязательно пожалею о своём решении.

Я внимательно выслушал все аргументы и спокойно ответил, что всё равно хочу попробовать.

Именно после этой фразы атмосфера изменилась.

Меня попросили выйти из кабинета.

Потом вызвали к директору.

А дальше началась уже совсем другая история.

Сегодня, спустя годы, я понимаю её гораздо лучше, чем понимал тогда.

В тот момент мне казалось, что давление оказывается на меня.

На самом деле били по самому уязвимому человеку рядом.

По бабушке.

Она всегда переживала за меня сильнее, чем за саму себя. Именно поэтому угрозы, разговоры об отчислении и всевозможные страшилки были направлены прежде всего на неё.

Я до сих пор помню её глаза.

Помню растерянность.

Помню слёзы.

Помню собственную злость, которая буквально душила меня изнутри.

Именно тогда я впервые почувствовал то особое бессилие, которое возникает, когда ты видишь несправедливость, но не можешь объяснить её человеку, которого любишь.

В какой-то момент я просто взял бабушку за руку, вывел её из кабинета директора и с такой силой захлопнул дверь, что грохот ещё долго разносился по школьному коридору.

Наверное, это был первый взрослый поступок в моей жизни.

А дальше произошла история, которая сегодня кажется почти смешной, но тогда воспринималась как настоящая трагедия.

Потому что взрослые очень часто забывают одну важную вещь: детские мечты не бывают маленькими для тех, кому они принадлежат.

Для ребёнка они всегда настоящие.

(Именно дальше я бы продолжил линию с первоклассницей и вывел её к главной мысли главы.)

Потому что настоящая тема этой главы — не школьная обида.

Она про первое столкновение с фактом, который потом ещё много раз будет повторяться в твоей жизни:

мир не обязан возвращать человеку вложенные усилия именно в той форме, в которой он их ожидает.

Но это никогда не повод останавливаться и оставаться возле закрытой двери.

Потому что за ней почти всегда уже существует следующая.

Глава 7. Розовый шарик

Выпускной закончился удивительно буднично.

Ни особого волнения, ни ощущения грандиозного перехода во взрослую жизнь я тогда не испытал. Возможно, причина заключалась в том, что к тому моменту уже давно жил сразу в нескольких реальностях. Школа постепенно превращалась в обязательную формальность, тогда как настоящая жизнь, как мне казалось, происходила совсем в других местах. Она происходила в «Айсберге», на сцене, возле микрофона, среди людей, музыки и постоянного движения. Именно там я учился гораздо большему, чем могли дать многие школьные уроки, и именно туда были устремлены мои мысли задолго до последнего звонка.

С будущей профессией я определился ещё за полгода до окончания школы.

Я хотел стать актёром драматического театра и кино.

Сегодня это звучит почти неожиданно. Особенно если знать, каким образом сложилась моя дальнейшая жизнь. Но тогда этот выбор казался не просто правильным — он казался единственно возможным.

Если честно, всё происходило вполне закономерно.

Сцена к тому времени уже успела пустить во мне глубокие корни.

Сначала были школьные дискотеки, потом появился «Айсберг», затем пришло ощущение энергии полного зала, когда несколько сотен человек одновременно реагируют на твои слова, смеются над твоими шутками или замирают в ожидании следующей фразы. Но всё это я воспринимал скорее как ремесло. Мне нравилось работать с публикой, нравилось искать нужную интонацию, чувствовать настроение аудитории и учиться управлять её вниманием. Однако где-то глубоко внутри постепенно рождалось ощущение, что за всем этим скрывается нечто гораздо большее.

Словно существует какая-то дверь, к которой я пока только подхожу, но ещё не знаю, что находится за ней.

Поступать я решил в Луганскую Академию Культуры и Искусств.

С экзаменами проблем не возникало, поэтому все основные надежды были связаны именно с творческим конкурсом. Правда, довольно быстро выяснилось, что рассчитывать на лёгкую прогулку не приходится. На бюджет претендовали десятки талантливых ребят, приехавших из разных городов Украины, и впервые в жизни я оказался в среде людей, которые хотели ровно того же самого, чего хотел я.

Это было новое ощущение.

До этого конкуренция всегда выглядела привычной и понятной. В школе ты годами знаешь своих соперников. Понимаешь, кто сильнее тебя, а кого сильнее ты. Здесь всё было иначе.

Каждый человек в коридоре Академии был потенциальным конкурентом.

Каждый приехал за одной и той же мечтой.

Каждый надеялся услышать свою фамилию в списках поступивших.

Наверное, именно тогда я впервые почувствовал вкус взрослой конкуренции. Но вместе со страхом неожиданно появилось и другое чувство — ощущение, что мне действительно есть что показать.

За плечами уже были месяцы работы в «Айсберге», опыт общения с публикой и сотни часов с микрофоном в руках. Более того, неожиданно начали приносить пользу все те занятия сценической речью и риторикой, которые раньше казались чем-то второстепенным. В какой-то момент я даже поймал себя на мысли, что многие события последних лет словно незаметно готовили меня именно к этому дню.

Когда начался творческий конкурс, я вошёл в аудиторию достаточно уверенно.

Во всяком случае мне так казалось.

В комиссии сидели Владимир Андреевич Саган и Николай Крипчук. Подготовленный материал я знал хорошо, с речью проблем не испытывал и ожидал практически любых зада-

ний. Но жизнь, как это часто бывает, приготовила испытание, к которому невозможно подготовиться заранее.

В какой-то момент Владимир Андреевич попросил меня показать розовый воздушный шарик.

Сначала я даже решил, что неправильно расслышал вопрос.

Потом подумал, что за ним скрывается какая-то профессиональная хитрость, которую должен понять любой талантливый абитуриент.

Но проходили секунды, а понимание не приходило.

Я искренне не знал, что делать.

Сегодня мне кажется, что именно так выглядит столкновение человека с задачей, для которой у него нет ни одного готового ответа. Мозг отчаянно пытается найти знакомый алгоритм, цепляется за логику, перебирает варианты, но все они оказываются бесполезными.

В конечном итоге всё, на что меня хватило, — это надуть живот.

Сейчас эта сцена вызывает улыбку.

Тогда хотелось исчезнуть.

Но именно после этого произошло нечто гораздо более важное, чем сам экзамен.

Владимир Андреевич не стал смеяться.

Не начал объяснять, насколько нелепо выглядела моя попытка.

Не воспользовался ситуацией, чтобы продемонстрировать собственное превосходство.

Он просто начал показывать.

И то, что произошло дальше, я помню до сих пор.

Сначала он словно наполнился воздухом изнутри. Потом его тело стало удивительно лёгким. Он медленно поднял руки и начал двигаться по аудитории так естественно и свободно, будто действительно потерял вес. На его лице появилась какая-то детская, совершенно беззащитная улыбка, а движения приобрели удивительную плавность.

И в какой-то момент произошло странное.

Я перестал видеть преподавателя.

Перестал видеть человека.

Передо мной действительно возник розовый воздушный шарик, который неспешно путешествовал по аудитории, подчиняясь каким-то своим законам физики и существуя в собственной реальности.

Даже сейчас, спустя много лет, мне сложно рационально объяснить тот эффект.

Наверное, именно поэтому я считаю тот день одним из самых важных в своей юности.

До этого момента мне казалось, что сцена строится из техники, харизмы, хорошо поставленного голоса, уверенности в себе и набора профессиональных навыков.

Владимир Андреевич показал мне совершенно другой уровень.

Он показал искусство.

Настоящее.

То самое искусство, которое способно заставить человека поверить в то, чего не существует.

Способно создать новую реальность из воздуха.

Способно на несколько минут отменить законы логики и заставить зрителя увидеть невозможное.

Наверное, именно тогда я по-настоящему влюбился в актёрскую профессию.

Не в аплодисменты.

Не в внимание публики.

И даже не в красивую сценическую жизнь, которую обычно представляют подростки.

Я влюбился в саму возможность создавать миры.

В возможность при помощи собственного воображения рождать то, чего секунду назад ещё не существовало, а потом заставлять других людей верить в это так же искренне, как веришь сам.

Поэтому сегодня, вспоминая своё поступление, я думаю вовсе не о бюджетном месте и не о студенческом билете.

Да, я поступил.

Да, получил то, к чему стремился.

Но главным подарком того дня оказался вовсе не статус студента.

Главным подарком стал розовый шарик, которого никогда не существовало.

Потому что именно он впервые показал мне, насколько безграничным может быть человеческое воображение и какой невероятной силой обладает человек, умеющий заставить других поверить в невозможное.

Глава 8. Грязная обувь

Первые месяцы обучения в Луганской Академии Культуры и Искусств я до сих пор вспоминаю с особой теплотой. Прошло много лет, жизнь несколько раз переворачивалась с ног на голову, но если бы мне сегодня предложили прожить этот период заново, эти полгода определённо оказались бы среди первых кандидатов. И дело было вовсе не в студенческой романтике, не в свободе, не в молодости и даже не в профессии. Академия дала мне значительно больше, чем просто актёрское образование: она научила видеть человека объёмно, рассматривать не только его поступки, но и причины, приведшие к этим поступкам; не события сами по себе, а контекст, который их порождает.

Мы изучали мировую литературу, философию, историю культуры, психологию, социологию, этику, эстетику, историю костюма и множество других дисциплин, смысл которых в восемнадцать лет казался сомнительным и далеким от реальной жизни. Тогда мне казалось, что всё это существует отдельно, а позднее я понял, что жизнь как раз и состоит из этих вещей: за каждым решением скрываются убеждения, за убеждениями — опыт, за опытом — воспитание, за воспитанием — история семьи, а за историей семьи часто стоит история целой страны. Наверное, именно тогда впервые начал формироваться мой системный взгляд на мир.

Параллельно существовала и другая жизнь, не менее насыщенная. К сентябрю я окончательно закрепился в «Айсберге», работая по пять ночей в неделю, и теперь, оглядываясь назад, с трудом понимаю, каким образом мне удавалось выдерживать такой ритм: ночная работа в клубе, утренние занятия в Академии, дневные пары, а затем снова работа — и так без остановки.

Синдром отличника никуда не исчезал. Пропуливать занятия я себе категорически не позволял, даже когда организм буквально отключался на ходу. Поэтому в Академии появилось любимое место: проходная лестница возле актёрской кафедры и старая батарея, которая, казалось, старалась обогреть весь Луганск одновременно. Во время больших перемен я ложился там, подкладывал под голову сумку с конспектами и засыпал моментально, без переходов, мыслей и снов. Эти двадцать минут сна были, наверное, самыми сладкими за всю мою жизнь.

Именно тогда я впервые столкнулся с вещью, которую долго не мог понять: многие мои однокурсники практически не появлялись на занятиях, особенно контрактники. Для меня это выглядело абсолютно абсурдно: я вырос в мире, где за всё приходилось платить трудом, и мысль о том, что человек отдаёт деньги за образование и при этом не пользуется им, казалась мне глубоко неправильной. Возможно, потому я до сих пор не могу до конца это понять, слишком хорошо помня цену возможностей.

Пик усталости пришёлся на начало ноября, когда «Айсберг» праздновал день рождения. Я вернулся домой почти под утро, понимая, что вставать в Академию через два с половиной часа было бы невозможно: если сейчас усну, уже не проснусь. Я решил не ложиться, сел играть

в PlayStation, и до сих пор помню ту предрассветную тишину, тёмную комнату, экран телевизора и бабушку, которая несколько раз подходила, пытаясь уговорить меня хотя бы немного отдохнуть. В конце концов я всё же сдался, и тогда произошло то, что казалось забавным тогда и тревожным сегодня.

Проснувшись днём, я сел в кресле в бабушкиной комнате, и она молчала так необычно, словно пыталась прочесть мои мысли. Наконец она рассказала, что утром пыталась разбудить меня несколько раз, а я открывал глаза, кричал матом, вставал, уходил в другую комнату, садился в кресло и снова засыпал. Сам я ничего этого не помнил. Именно тогда бабушка задала вопрос, который остался со мной на всю жизнь:

— Валер, скажи честно... ты наркоман?

Сначала я обиделся. Я не пил, не употреблял, не курил, и во многом из-за детских воспоминаний об отце всегда держался подальше от зависимостей. Но потом понял её страх: она боялась за внука, который работал по ночам, спал по несколько часов и однажды перестал осознавать происходящее вокруг. На следующий день я сдал анализы и принес ей результаты, не потому что должен был что-то доказывать, а потому что видел, как сильно она переживает.

После этого впервые осознанно снизил нагрузку и убрал одну рабочую смену. Тогда я понял простую истину, которую жизнь неоднократно подтверждала: всех денег не заработать, а здоровье можно потерять гораздо быстрее, чем кажется.

Но самое ценное, что дала Академия, — не знания, а встреча с Владимиром Андреевичем Саганом, человеком, который медленно менял мой взгляд на жизнь. Однажды, после театральной комедии, где я особенно хвалил актёра за органичность и живость, Владимир Андреевич спокойно сказал:

— А ты знаешь, что он позавчера похоронил жену?

Я замолчал. Не понимал, как человек способен выйти на сцену через два дня после такого и заставлять людей смеяться, когда самому хочется кричать от боли. Ответ пришёл позже во время изучения «Этики» Станиславского: фраза «не приходи в театр в грязной обуви» означала гораздо больше. Какими бы тяжёлыми ни были личные проблемы, зритель не обязан их нести вместе с тобой. Человек пришёл за своим опытом, эмоциями, историей, и твоя задача — честно выполнить своё дело.

Эта мысль навсегда осталась со мной. Именно тогда начало формироваться моё отношение к ответственности перед людьми. Как ведущий, я не имел права приносить на сцену свои проблемы. Как барбер — перекладывать своё плохое настроение на клиента. Как руководитель — заражать команду страхами. Жизнь может быть какой угодно: с кризисами, потерями, болью и разочарованиями, но если ты выходишь к людям, обязан сделать своё дело достойно. Даже в самые тяжёлые периоды я почти никогда не позволял себе разваливаться публично.

И вместе с этим начал постепенно зарождаться внутренний рост, который лишь позже, в самых трудных испытаниях, обернулся ясностью, силой и пониманием истинных ценностей

ГЛАВА 9. Трещина

Первая серьёзная трещина в фундаменте моего актёрского будущего появилась неожиданно и болезненно. Я завершил свою первую сессию на отлично, получил повышенную стипендию и, казалось бы, мог быть доволен. Но реальность оказалась иной, и я столкнулся с неприятным открытием. Практически все мои одноклассники, которые весь семестр почти не появлялись на парах, также спокойно закрыли сессию хорошими оценками.

Сначала я не мог понять, как это возможно. Я посещал занятия, готовился, участвовал в дискуссиях, выполнял все задания, и тем не менее выяснилось, что некоторые вещи решаются проще, чем я думал: художественный руководитель может просто «договориться». В тот момент что-то внутри меня надломилось. Для человека, который всегда относился к дисциплине с уважением, это выглядело как разрушение самой идеи справедливости системы.

Я стал постепенно отстраняться от предметов, которые казались мне бессмысленными, продолжая посещать лишь те, что вызвали живой интерес. Интерес к самой системе обучения медленно умирал. В то время клубная индустрия начала давать свои плоды, и я видел результаты усилий, которые прилагал.

Но настоящая трещина образовалась во время практики в Украинском драматическом театре. Мы ставили «Конотопскую ведьму», и именно тогда мое прежнее представление о театре и сцене, которое Владимир Андреевич так мастерски внушил мне на творческом экзамене, оказалось под угрозой. Я не видел магии. Я видел производственный цех, режиссёра, задачи, команды и схемы. Вся идея художественного созидания превратилась в механизм, который нужно было просто правильно выполнять.

Кульминацией стало то, что однажды в субботу, выйдя в холл за глотком воды, я столкнулся с панихидой по какому-то блатному. Посреди театра стоял гроб, вокруг — люди, батюшка, отпевание. И всё это происходило в пространстве, которое для меня ещё недавно было почти священным. Я могу спокойно воспринимать прощание с артистами — это красиво, символично, достойно. Но когда театр превращается в арену для любых ритуалов за деньги, для меня это стало чуждым, холодным и лишённым смысла. Я стоял и наблюдал за этим, ощущая, как рушится ещё одна идеализация в моей душе.

Я вернулся в репетиционную, переоделся, собрал вещи, попрощался с одноклассниками и ушёл из театра. Владимир Андреевич позже спросил меня, почему я не участвую в спектакле. Я сказал ему правду, и он принял моё решение без лишних слов.

На последней сессии третьего курса я нашёл человека, который помог мне решить вопрос с зачёткой, перевёлся на заочное обучение и уехал работать в Сочи. Тогда я ещё не знал, насколько сильно этот город изменит мою жизнь. «Конотопскую ведьму» я так и не посмотрел.

Спустя год я пришёл на дипломный спектакль своих одноклассников уже с будущей женой. Спектакль назывался «Муж и жена снимут комнату». И там Владимир Андреевич вновь показал мне то самое искусство, в которое я когда-то влюбился: живое, настоящее, способное пробивать человека насквозь, заставляя его ощущать, переживать и сопереживать. В конце представления мы сидели вместе с Лерой, и слёзы сами катились по щекам. В этот момент я вновь испытал то редкое состояние, которое невозможно объяснить логикой. Это был катарсис, глубокое осознание, что настоящее искусство не исчезает и живёт там, где есть душа, а не механика.

И именно тогда я понял, что настоящая трещина была не во внешней системе, не в несправедливости оценок и формальностей, а в разрыве между ремеслом и магией, между видимым и настоящим. И как часто бывает, именно через это разочарование рождается понимание, которое формирует истинный путь.

Глава 10. Сочи

Летом 2011 года я закрыл сессию на третьем курсе, перевёлся на заочное обучение и впервые по-настоящему уехал из дома.

На первый взгляд в этой истории не было ничего необычного. Каждый год тысячи молодых ребят отправляются на юг в поисках заработка, новых впечатлений и той самой взрослой жизни, которая издалека всегда кажется гораздо интереснее, чем оказывается на самом деле. Тогда мне казалось, что со мной происходит ровно то же самое. Лишь спустя годы я понял, что именно то лето стало одним из самых важных периодов моей жизни, потому что изменило во мне гораздо больше, чем я мог заметить в тот момент.

Оглядываясь назад, я всё чаще думаю, что именно тогда во мне начал формироваться человек, которому впоследствии предстояло управлять командами, строить бизнес, принимать сложные решения и отвечать не только за собственную судьбу, но и за судьбы других людей. Правда, в тот момент я, конечно же, ничего этого не понимал.

Мне было двадцать лет, и мир казался местом, где всё самое интересное только начинается.

К тому времени я уже больше года работал ведущим в луганском клубе «Эгоист». Когда клуб закрылся на реконструкцию, предложение провести сезон в сочинской «Панораме» появилось практически сразу. Согласился я без долгих раздумий. Возможность провести лето у моря, занимаясь любимым делом и получая за это хорошие деньги, выглядела настолько привлекательной, что искать причины для отказа попросту не хотелось.

Гораздо меньше энтузиазма эта идея вызывала у моей бабушки.

Причём переживала она вовсе не из-за переезда в другой город и даже не из-за самой работы. Её тревожили вещи куда более приземлённые и потому значительно более реальные. Она боялась, что меня обманут, не выплатят обещанные деньги или просто оставят одного в незнакомом месте без поддержки и средств к существованию.

Именно поэтому подготовка к поездке приобрела весьма своеобразный характер.

Пока я собирал документы и складывал вещи в дорожную сумку, бабушка методично формировала собственный план моего спасения. Центральное место в этом плане занимали шестьдесят пачек доширака, которые постепенно заполнили значительную часть багажа.

Я пытался возражать.

Объяснял, что уже давно не ребёнок, что беру с собой деньги и вполне способен самостоятельно купить себе еду. Но спорить с бабушкой было примерно так же бесполезно, как пытаться убедить солнце не вставать по утрам.

В конце концов я сдался.

Тогда вся эта история казалась мне забавной и даже немного нелепой. Позже выяснилось, что среди нас двоих именно бабушка смотрела на ситуацию значительно реалистичнее.

Сама дорога в Сочи начиналась почти идеально. На станции Ясиноватая наш вагон почти на час отцепили от одного состава в ожидании другого. На улице стояла такая жара, что воздух над асфальтом дрожал, словно раскалённое стекло. Я купил мороженое, бутылку холодной колы и бесцельно бродил по вокзалу, наслаждаясь тем особенным состоянием свободы, которое бывает только в молодости.

Мне казалось, что впереди начинается новая глава жизни.

Я был молод, полон сил и совершенно уверен, что контролирую происходящее.

Наверное, именно в такие моменты жизнь особенно любит напоминать человеку о его самоуверенности.

Через несколько часов я зашёл в вагон-ресторан, который рестораном можно было назвать весьма условно. Скорее это был обычный советский буфет на колёсах, сохранивший атмосферу ушедшей эпохи. Заказав обед, я привычным движением полез в карман за кошельком и в ту же секунду почувствовал неприятный холод где-то под рёбрами.

Сначала я решил, что просто ошибся.

Потом вернулся в купе и начал искать.

Перевернул сумку.

Проверил карманы.

Осмотрел полки.

Снова проверил сумку.

Но чем дольше продолжались поиски, тем очевиднее становилось то, во что совершенно не хотелось верить.

Кошелёк исчез.

Вместе с ним исчезли и все деньги, которые я вёз с собой.

В одну секунду романтика путешествия закончилась.

Ещё утром мне казалось, что впереди меня ждёт красивое летнее приключение. Теперь же я ехал в другую страну практически без денег, к людям, которых почти не знал, и совершенно не понимал, каким образом буду решать возникшую проблему.

Именно тогда жизнь впервые очень наглядно показала мне разницу между самостоятельностью и самоуверенностью.

Эти понятия кажутся похожими лишь до тех пор, пока обстоятельства не начинают проверять их на прочность.

В Лазаревское поезд прибыл ранним утром. Встречать меня должен был Ваня — человек, который и пригласил меня на работу. Но поезд пришёл раньше расписания, телефон почти разрядился, связь работала через раз, а сам Ваня почему-то не появлялся.

Я сидел на вокзале с украинским паспортом, дорожной сумкой и стремительно растущей тревогой.

Этот час показался мне бесконечным.

За это время я успел придумать десятки сценариев развития событий, и каждый следующий выглядел хуже предыдущего. Мне казалось, что Ваня передумал, забыл, перепутал дату или просто не приедет. Чем дольше его не было, тем реальнее становились эти фантазии.

Когда возле вокзала наконец остановился белый Mercedes и из машины вышел Ваня, я испытал такое облегчение, словно увидел не знакомого человека, а спасательный круг посреди открытого моря.

По дороге я рассказал ему про украденный кошелёк.

Он спокойно выслушал меня, достал деньги и протянул пять тысяч рублей.

— Больше сейчас нет. Начало сезона. Но на первое время хватит.

Только вечером выяснилась одна важная деталь, которую мы почему-то заранее не обсудили.

Зарплату здесь выдавали один раз в месяц.

Я сел считать деньги.

И чем дольше считал, тем яснее понимал, что предстоящий месяц будет совсем не таким лёгким, каким представлялся мне ещё несколько дней назад.

В тот вечер я долго сидел над простыми расчётами и пытался убедить себя, что ситуация находится под контролем. Молодость вообще обладает удивительной способностью выдавать надежду за план действий. Мне казалось, что если правильно распределить деньги, немного потерпеть и проявить дисциплину, то никаких серьёзных проблем не возникнет.

Реальность довольно быстро показала, насколько оптимистичными были эти расчёты.

Следующие недели стали моим первым настоящим знакомством с постоянным чувством голода. Не с тем лёгким ощущением, которое возникает перед обедом и исчезает после первого приёма пищи, а с его совсем другой формой — тихой, навязчивой и почти незаметной. Сначала она появляется где-то на заднем плане, потом начинает сопровождать тебя постоянно, а спустя некоторое время становится настолько привычной, что воспринимается как естественная часть жизни.

Мой рацион был предельно прост.

Доширак.

Иногда кефир.

Много воды.

И бесконечные внутренние расчёты о том, сколько ещё дней осталось до зарплаты.

Сегодня, оглядываясь назад, меня удивляет вовсе не это.

Гораздо сильнее меня удивляет собственное упрямство.

Я мог попросить помощи.

Мог честно рассказать Ване о ситуации.

Мог занять денег.

Мог решить проблему буквально за несколько минут.

Но не сделал ничего из этого.

Внутри меня уже тогда жила установка, которая впоследствии ещё не раз создаст проблемы. Мне казалось, что сильный человек обязан справляться самостоятельно, что просьба о помощи является проявлением слабости, а признание собственной уязвимости почти равносильно поражению.

Позже жизнь будет долго и весьма болезненно переучивать меня этому заблуждению.

Особенно ярко я понял это спустя несколько недель, во время одной истории, которую помню до сих пор.

Мы встречали московского диджея, довольно известного по тем временам. После аэропорта поехали в ресторан возле горной реки. Место было удивительно красивым. Вода шумела где-то внизу между камней, с гор тянуло прохладой, а над террасой висел тот особенный южный воздух, в котором смешиваются запахи зелени, дыма и жареного мяса.

Ваня заказал чай.

Артист заказал шашлык, картошку, лаваш и салат.

Я сидел напротив и тоже пил чай.

Когда официант принёс заказ, запах мяса буквально ударил в голову.

Наверное, только тогда я понял, насколько сильно голоден.

В какой-то момент мне стало по-настоящему страшно от собственных мыслей. Казалось, ещё немного — и весь мой самоконтроль закончится.

Поэтому я поднялся из-за стола, спокойно сказал, что пойду покурю, и ушёл гулять вдоль реки.

К столу я больше не вернулся.

Вечером мы отвезли артиста в гостиницу.

А я пришёл домой и заварил очередной доширак.

Сегодня мне кажется, что иногда человеку действительно проще терпеть лишения, чем признать собственную слабость. Особенно если он слишком рано решил, что обязан быть сильным всегда.

Но именно в этот непростой период судьба подарила мне встречу с человеком, который оказал огромное влияние на моё дальнейшее понимание профессии.

Антон Ростовский.

Царствие ему небесное.

До знакомства с ним я искренне считал себя хорошим ведущим. У меня был опыт, была сцена, поставленная речь, уверенность в себе и довольно неплохое понимание аудитории. Однако рядом с Антоном всё это неожиданно перестало казаться чем-то выдающимся.

Он существовал на сцене совершенно иначе.

Я работал с залом.

Он жил внутри него.

Я старался говорить правильно.

Он говорил естественно.

Я опирался на подготовленные заготовки.

Он импровизировал так, словно каждое слово рождалось прямо сейчас.

Я думал о том, какое впечатление произвожу.

Он думал о людях.

Пять дней в неделю я наблюдал за ним почти так же внимательно, как когда-то наблюдал за Владимиром Андреевичем Саганом в Академии.

И постепенно начал понимать вещь, которую невозможно объяснить ни одной книгой.

Настоящая харизма не имеет никакого отношения к красивым словам, поставленному голосу или эффектным жестам.

Она рождается из внутренней свободы.
Из способности быть собой даже тогда, когда на тебя смотрят сотни людей.
Из отсутствия страха показаться смешным, странным или несовершенным.
Именно этому Антон научил меня значительно лучше любого учебника.
К концу июня я похудел почти на девять килограммов.
Зарплату ждал так, как, наверное, ждут спасательный корабль после долгого дрейфа.
И когда наконец получил свои пятьдесят тысяч рублей, испытал чувство счастья, которое сегодня уже невозможно повторить никакими суммами.
Я купил бутылку холодного пива.
Небольшую вишнёвую сигару Macbeth.
И отправился на пляж «Гренада», к старому полуразрушенному пирсу.
Солнце медленно опускалось за горизонт.
Море постепенно окрашивалось в густые красные оттенки.
Где-то вдалеке звучала музыка.
Я сидел на берегу, уставший, похудевший, слегка опьяневший от первого за долгое время ощущения спокойствия и смотрел на закат.
Именно тогда заиграла песня моего земляка Сынти — «Любимый город».
И произошло нечто странное.
Не событие.
Не озарение.
Скорее ощущение.
Будто время на несколько секунд остановилось.
Будто сама жизнь очень тихо коснулась моего плеча и попросила запомнить этот момент.
Я верующий человек и искренне считаю, что Бог редко разговаривает с нами словами.
Гораздо чаще Он делает это через людей, через обстоятельства, через события и ощущения, смысл которых становится понятен только спустя годы.
Тогда я ещё не знал, насколько сильно однажды моя жизнь окажется связана с этим городом.
Не знал, сколько важных событий ждёт меня впереди.
Не знал, сколько раз мне придётся сюда возвращаться.
Но именно в тот вечер впервые почувствовал, что стою в самом начале пути, масштаб которого пока невозможно разглядеть.
Пути, который уже начался задолго до того, как я сумел это понять.

ГЛАВА 11: Корона

Осенью 2011 года я вернулся в Луганск уже другим человеком. По крайней мере, мне тогда так казалось. После сезона в Сочи внутри меня поселилось странное, опасное ощущение: будто я наконец-то вырвался из старой оболочки, из привычного пространства, которое сковывало меня своими ограничениями и страхами.

Я начал зарабатывать значительные по тем временам деньги. Меня узнавали, обсуждали, приглашали на работу, хотели видеть на вечеринках. И самое главное — всё это безумно мне нравилось. Но именно тогда в моей жизни появился первый настоящий соблазн. Не деньги, не женщины, не алкоголь. Настоящий соблазн заключался в ощущении собственной исключительности, в лёгком и одновременно опасном чувстве, что мир обязан подчиняться твоей воле.

Я продолжал работать в «Эгоисте», развиваясь как ведущий, и параллельно занялся тем, что позже назовут SMM, хотя тогда это слово почти никто не знал. Я чувствовал: будущее принадлежит социальным сетям. Вместе с моим другом детства Димой Крымцевым, которого я знал как Крым, мы создали паблик во «ВКонтакте» с максимально странным и одновременно

цепляющим названием — KabLook. Идея родилась из «Club Look» — «клубный взгляд», а в звучании «каблук» обрёл странную игру слов: нелепо, стильно, провокационно.

С самого начала проект был простым: сплетни, инсайды, слухи, мемы клубной индустрии Луганска и области. Мы вели его анонимно, и именно эта анонимность добавляла проекту особую пикантность. Людям всегда нравилось заглядывать за кулисы, особенно когда речь шла о ночной жизни, которая в Луганске 2010–2013 годов была уникальной. Количество клубов было огромным: «Айсберг», «Колизей», «PartyZone», «Starter». По оснащению они соперничали с лучшими клубами Киева, но главное было в публике.

В Луганске сформировалось живое, музыкальное, благодарное клубное сообщество. Диджеи могли играть то, что готовили дома, а не мешать попсу ради удержания танцпола. Мы вместе с Антоном Птушкиным, Антоном Полтиевым, Владиславом Бухаровым и Ярославом Малыхиным создавали эту культуру, и я тоже приложил к этому руку. KabLook быстро «выстрелил». Со временем он стал полноценным медиа: рубрики, статьи, афиши, авторский стиль, внутренняя эстетика. Мы начали формировать повестку клубной индустрии.

С этим рос и я. Мои гонорары увеличивались, и для моего возраста это было уже неприлично много. Но там, где появляются большие деньги, отсутствует жизненный опыт, и вокруг возникает огромное внимание, почти всегда начинаются проблемы. Внимания стало слишком много: новые знакомства, компании, девушки, тусовки. И именно тогда я совершил первую серьёзную ошибку. Я поверил в себя слишком сильно, поверил в собственный статус.

Каждый вечер после клуба — новая девушка, новые ощущения. Иногда я даже не запоминал имена. Однажды я специально выбрал полную женщину ради нового опыта. С того времени во мне что-то изменилось. Казалось, что я живу яркой жизнью, но на самом деле терял внутренние ориентиры. В «Эгоисте» по средам проходил женский день, и мне начало казаться, что это событие существует в честь меня. На сцене я постепенно менялся, острые шутки и подколы переросли в оскорбления, а я даже не замечал этого. Я считал себя дерзким, острым, смелым и харизматичным, но на деле меня начало заносить, и я не понимал, как глубоко скатываюсь.

Именно тогда в мою жизнь вмешалась «случайность» — Константин Иванович. В конце 2011 года он уже управлял концерт-холлом «Колизей». Меня пригласили провести там вечеринку, и я, окрылённый вниманием, снова матерился и подшучивал со сцены, ощущая себя королём мира. Внезапно микрофон перестал работать. Я посмотрел на индикатор: батарейки в порядке. Слева стоял Константин Иванович и пальцем подзывал меня.

Мы отошли в сторону, и в следующую секунду он дал мне настолько сильную пощёчину, что у меня зазвенело в ушах. Крепкий, строгий мужчина, офицер в отставке, спокойно сказал: «Это тебе, сучонок, культурное мероприятие, а не деревенская дискотека. Не смей больше материться у меня в заведении». Я стоял в шоке и промямлил: «Извините...»

И тогда щёлкнуло внутри меня. Что-то важное перевернуло мой взгляд на самого себя. Я увидел самовлюблённого подростка, который путает харизму с хамством, свободу — с вседозволенностью, а внимание людей — с собственной значимостью. С этого вечера я притормозил себя, перестал устраивать шоу и саморазрушение, начал работать серьёзно.

Скрывать, кто стоял за KabLook, становилось всё труднее. Мы с Крымом приняли решение деанониться и превратить проект в коммерческий продукт. Так родилась серия вечеринок «Под Каблуком». Первая — в «Колизее» — прошла с большим успехом. И тогда мне впервые показалось, что мы способны создавать не просто вечеринки, а полноценные культурные события. Так начался 2012 год, и вместе с ним новый этап моего взросления, где внутренний рост стал важнее внешнего блеска, а ответственность — важнее развлечений.

ГЛАВА 11: Спасите Винни

Ближе к весне 2012 года я начал испытывать усталость от масштабных мероприятий. Вечеринки на тысячу человек, непрерывный шум и бесконечная гонка за масштабом — всё это начинало тяготить. Иронично, но именно в момент, когда я научился собирать огромные залы, во мне впервые зародилось желание чего-то маленького, камерного, настоящего.

Особенностью клубной культуры Луганска того времени было то, что мы, организаторы, искали не только коммерческую выгоду. Мы не хотели просто наполнять бары посетителями, чтобы те оставили деньги; наша цель была глубже. Мы стремились создать концептуальные истории, наполнить вечера смыслом, формировать вкус и отношение к музыке, к атмосфере, к культуре отдыха. В каком-то смысле мы воспитывали аудиторию, а не просто обслуживали её желания.

Именно тогда мне захотелось сделать что-то максимально ламповое, маленькое, но с душой. Так родилась идея виниловой вечеринки «Спасите Винни». Название выглядело странно, возможно, немного дурацко, но внутри таился смысл: спасти винил как культуру, вернуть слушателям ощущение настоящей музыки.

Подготовка к вечеринке шла легко. Когда идея по-настоящему твоя, она сама складывается вокруг тебя. Не нужно вымучивать концепцию, не нужно искусственно создавать атмосферу — она рождается сама. Играть я пригласил Ярослава Малыхина, его будущую супругу Аню и диджея Леру Shelby, с которой мы пересекались ранее лишь мимолётно. Она только что вернулась из трёхмесячного тура по Китаю и сразу поразила меня своей естественностью: не стремясь казаться особенной, она оставалась настоящей, и рядом с ней исчезало желание играть роль.

Встреча с ней за несколько кварталов до клуба навсегда осталась в памяти: высокие шпильки, неровные луганские дороги, её лёгкая, непринуждённая улыбка. В этот момент я впервые ощутил, как странно и важно встречать человека, с которым не нужно ничего доказывать, рядом с которым исчезает напряжение постоянной игры.

Вечеринка прошла именно так, как я мечтал: теплая атмосфера, свои люди, качественный звук, винил, уют и внутреннее спокойствие. После двух часов ночи я сел за организаторский стол и почувствовал, как начинается что-то большее, чем просто событие. Разговор с Лерой начинался с музыки, плавно перетекая в кино, жизнь, философию, и мы вдруг обнаружили, что говорим так, словно знакомы всю жизнь. Это было редким ощущением настоящей человеческой близости — без попыток впечатлить, без необходимости подтверждать статус.

В этом моменте я впервые честно признался себе: я влюбился. Не в образ, не в красивую картинку, не в ощущение собственной значимости. В человека. Настоящего, живого, способного вызывать доверие и спокойствие, которых я давно не испытывал рядом с женщинами. Мы испугались разрушить это хрупкое чувство, и поэтому после поцелуя вечер не продолжился — и в этом была своя правда и красота.

Когда Ярослав и Аня уехали на вокзал, а Леру мы везли домой, я наблюдал, как она тихо уснула на заднем сиденье, и тогда окончательно понял, что простота, естественность и честность способны быть красивее любой позы или гламурного блеска. Мне не хотелось писать никому, куда ехать или что делать. Мне хотелось только одного — быть рядом с Лерой, снова и снова.

И впервые за долгое время я почувствовал, что настоящая жизнь, настоящие чувства и настоящие встречи ценнее любой игры, амбиции или статуса. Что самое дорогое — это человеческая близость, честность и способность принимать друг друга такими, какие мы есть. В тот момент я понял, что любовь — это не соревнование, не игра и не средство самоутверждения, а удивительная возможность быть настоящим, позволить себе быть собой и доверять другому человеку.

ГЛАВА 12. Дом

Первые дни мая стали для меня откровением. На следующий день после событий, что перевернули мои внутренние ориентиры, Лера приехала ко мне. Мы переписывались еще вчера вечером во «ВКонтакте», и я поймал себя на удивительном ощущении подростковой влюбленности: я ждал её сообщений, перечитывал их, улыбался экрану. Смех, которым она озаряла свои слова, казался мне настоящим светом, который вырывал меня из привычной серости жизни.

Через пару дней мы встретились лично. Я пригласил её в кино, но сейчас не вспомню, какой фильм мы посмотрели. И это уже не имело значения: главное было — идти рядом. По луганским улицам, среди разбитых дорог, с шумом города, который словно жил своей собственной жизнью, мы шли вместе. И мне впервые за долгое время стало не важно, куда мы идем, главное было — быть рядом с ней.

Мы проводили вместе все больше времени. Гуляли, разговаривали, слушали музыку, обнимались, молчали. Я замечал каждую деталь: как она смеется, как поправляет волосы, как смотрит, как рассказывает истории, как спокойно может молчать рядом. И впервые я понял: мне не нужно впечатлять её, не нужно играть роли, не нужно создавать спектакли. Я могу быть просто собой — и это достаточно.

4 мая мы работали вместе в «Колизее». И именно там я осознал, что окружающие начали воспринимать нас как пару. Без официальных разговоров, без слов «давай встречаться», без попыток обозначить что-то — мы просто были рядом. И это ощущение спокойствия и естественности пугало меня почти так же сильно, как радовало. Я привык к постоянной гонке за эмоциями, к новизне, к движению, к сцене и тусовкам. А здесь я впервые почувствовал, что мне достаточно простого присутствия другого человека.

На майские праздники Лера пригласила меня к себе домой. Я нервничал, словно подросток, впервые идя на свидание, хотя уже привык к взрослой жизни. Сколько бы я ни менял девушек, этот вечер был уникальным. Я тщательно выбирал рубашку, снова переодевался, переживал, держал в руках стандартный набор: букет лилий, шампанское, конфеты. И всё же внутри я был растерян и уязвим.

Когда Лера открыла дверь, я понял, что настоящее чудо — это простота. Ужин был обычный, домашний, без пафоса, без попыток впечатлить. И я впервые испытал чистое чувство, которое невозможно с чем-то сравнить: мне было хорошо. Настояще хорошо. Без алкоголя, без толпы, без сцен и ролей. Просто спокойно и легко.

Но кульминацией того вечера стало другое. Лера посмотрела на шампанское, улыбнулась и убрала его в холодильник. Вместо него достала холодное пиво и сказала с лёгкой иронией: «Кто вообще в такую жару шампанское пьёт?» В тот момент я понял, что передо мной человек, с которым хочется прожить настоящую жизнь. Без спектакля. Без постоянного контроля образа. Без необходимости доказывать что-то внешнему миру. Передо мной была моя будущая жена — не идеальная, не вымышленная, а настоящая, естественная, открытая, та, с которой хочется строить жизнь.

Мы провели вечер за фильмами. Я никогда не был киноманом, предпочитая книги, но Лера умудрилась подобрать фильмы, которые создавали необыкновенную атмосферу. Мне не важно, что именно мы смотрели. Важно было присутствие, было ощущение настоящего дома. И впервые за долгое время я поймал себя на мысли, которая меня поразила: это и есть дом — не квартира, не город, не вещи, а человек рядом, с которым ты можешь быть собой, спокойно и честно.

Утром меня ждал ещё один маленький сюрприз: мои вещи были постираны и аккуратно развешаны. И хотя кто-то со стороны мог подумать, что Лера просто решила хорошо себя показать, для меня было ясно: это естественная забота. Невозможно фальшиво быть тёплым, готовить вкусно или заботиться по инструкции — это видно сразу. И Лера была во всём настоящей.

В тот день я впервые почувствовал, что любовь может быть не спектаклем, не игрой, а фундаментом настоящей жизни. И хотя впереди нас ждала война, переезды, бедность, взлёты и падения, болезни, предательства и испытания, которые тогда казались невыносимыми, я впервые ощутил, что встретил человека, рядом с которым хочу быть всю жизнь. Среди луганских кварталов, клубов, виниловой музыки и разбитых дорог началась моя настоящая история любви, которая не нуждалась в декорациях и сценических образах.

ГЛАВА 13. Сладкий сентябрь

В конце мая 2012 года Лера отправилась в очередной тур по Китаю. К тому моменту мы были вместе всего месяц, и всё же за этот короткий срок между нами произошло нечто удивительное: возникла связь, которую порой годами строят, а порой ощущают почти мгновенно. Мы ещё не давали друг другу торжественных обещаний, не строили грандиозных планов, не говорили о свадьбе, но каким-то внутренним чувством оба понимали: это не история на лето, не лёгкий роман двух людей из клубной индустрии и не мимолётная влюблённость, которая так же быстро угасает, как возникает. Всё было гораздо глубже, серьёзнее, и даже знакомство с её родителями не вызвало во мне желания бежать прочь. Раньше при первых признаках настоящей близости во мне мгновенно просыпалась тревога, но рядом с ней постепенно утих какой-то бесконечный внутренний шум, будто долгие годы я жил вблизи работающего двигателя, настолько привык к его гулу, что перестал замечать его, а затем вдруг оказался в тишине.

Перспектива отношений на расстоянии не пугала меня, но не из-за самоуверенности или ощущения прочности наших чувств. Просто я был по-настоящему влюблён — без запасных вариантов, без внутреннего торга, без стремления оставить себе лазейку для отступления. Я смотрел на Леру как на своё будущее, и, кажется, она это чувствовала.

Пока её не было рядом, я периодически приезжал к её родителям на дачу и помогал будущему тестю со строительными работами. Леонид Артёмович, человек удивительного склада, бывший подполковник авиации в отставке, системный, спокойный и необычайно умный, работал тогда руководителем HR-направления в областном отделении Ощадбанка. Он обладал редким качеством, которое я позже встречал лишь у немногих действительно сильных людей: он никогда не давил, не поучал, не пытался доминировать; его наставления приходили мягко, и вскоре начинало казаться, что идеи доходят до тебя собственными мыслями.

Однажды, когда мы возились с каким-то строительством на даче, разговор плавно перешёл на мою работу. Леонид Артёмович не говорил прямо, что считает клубную индустрию чем-то несерьёзным, но смысл его слов был очевиден: для человека его поколения профессия ведущего, ночная жизнь и вечеринки выглядели временными и ненадёжными, слишком зависимыми от обстоятельств. Тогда он спокойно сказал:

— Валера, чтобы мужчина мог нести ответственность за семью, у него должна быть настоящая работа, по трудовой книжке.

Я не ответил, но услышал и понял всё. Сильные мужчины старой школы редко читают длинные морали; одной короткой фразы достаточно, чтобы она поселилась в голове надолго и начала работать там самостоятельно.

В начале июня мы с Владом Бухаровым снова отправились в Сочи. Меня вновь пригласили ведущим в «Панораму», а Влада я взял с собой как диджея. Прошёл всего год с моей первой поездки в этот город, но за это время изменилось почти всё: тогда я ехал испуганным мальчишкой с украденным кошельком и сумкой доширака, не представляя, что ждёт меня впереди; теперь я возвращался человеком, которого уже знали в профессии, с серьёзным гонораром и пониманием собственной ценности на рынке.

Однако развитие редко сопровождается яркими событиями, драматическими поворотами или непрерывными озарениями. Настоящий рост чаще всего происходит через рутину, повторение, дисциплину, через сотни одинаковых дней, в которых навык постепенно превра-

щается в профессию, а профессия — в мастерство. Именно таким оказался для меня сезон 2012 года: без громких потрясений, без судьбоносных встреч, без историй, достойных отдельной главы — просто работа, стабильная работа, которая постепенно делала меня сильнее.

Всё лето мы с Лерой созванивались по видеосвязи. Каждый звонок превращался в маленькое событие. Я скучал по ней спокойно и глубоко — не по эмоциям, а по человеку. Мне хотелось рассказать о каждой мелочи, показать море, отправить новую песню, услышать её смех, просто увидеть улыбку. И чем дольше длилась разлука, тем отчётливее я понимал: это давно вышло за рамки обычной влюблённости.

В начале сентября Лера прилетела ко мне в Сочи. Я впервые по-настоящему понял, что значит ждать человека: каждое мгновение было напряжённым ожиданием, каждое действие — предвкушением встречи. Когда двери зоны прилёта открылись и я увидел её, мир вокруг словно замедлился. Долгие объятия, её запах, дорога домой по сочинскому серпантину, песни группы «Ленинград», тёплый вечерний воздух — всё это создало ощущение абсолютной полноты жизни, будто всё наконец оказалось на своих местах.

Я снял для нас номер с панорамным видом на море, и мы провели там девять дней. Память сохранила не события, а состояние: счастье редко фиксируется деталями, оно запоминается атмосферой, чувством и тишиной внутри. Я помнил только одну мысль: «Она рядом», и этого было достаточно.

Конечно, у южного отдыха была и обратная сторона. Лера была очень красивой девушкой, и внимание к ней проявляли не только я один. Несколько раз ситуация приближалась к драке, но страх перед ней я не ощущал — с детства я научился защищать себя и младшего брата, отвечать за собственные слова. Опыт показывал: одно дело — не бояться драки, другое — искать её, а коллективное избиение на отдыхе мне не требовалось. К счастью, каждый раз всё обходилось.

Отпуск пролетел слишком быстро. Я выкупил купе в поезде и отправились домой. Но в Луганске долго не задержались: через пару недель мы отправились путешествовать по Украине — Киев, Одесса, Винница. Особенно сильное впечатление произвёл исторический центр Одессы, его архитектура, музыка, старые дворы, запах моря и разговоры на улицах — всё создаёт ощущение свободы, которое невозможно рационально объяснить.

Главной целью путешествия было посещение бабушки Леры за благословением. Бабушка Маруся жила в глухой деревне Винницкой области, добраться до которой можно было сначала на старом узкоколейном поезде, а затем почти час пешком. Тишина там была настоящей, первозданной; ночное небо раскрывалось огромной звёздной сферой, воздух пах травой и землёй, а время будто замедлялось. Телефон ловил только на кладбище на холме, и впервые за долгое время я оказался в месте, где никто не мог до меня дозвониться. Сначала это вызывало тревогу, затем раздражение, а потом я удивительно расслабился, словно шум, к которому привык, внезапно исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.